

неё входить. Отметим только, что в интерпретации А.А. Симоновой этот монастырь, основанный как бенедиктинский, к началу XIII в. превращается в доминиканский, с тем, чтобы через несколько лет вновь стать бенедиктинским. Но автор не находит в этом ничего достойного комментирования или объяснения.

К сожалению, автору рецензируемой книги не удалось внести в наши знания о «скоттах» в Восточной Европе практически ничего нового. Тем, кто интересуется этим сюжетом средневековой истории, по-прежнему остаётся полагаться на несколько устаревшие, но гораздо более достоверные работы почти столетней давности.

Вадим Ставиский

Инков А.А. *Летописец Переяславля Суздальского. Предисловие, перевод, комментарий*. Москва: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2016, 296 с.

Широковещательная аннотация к книге заставляет вздрогнуть от неожиданности, открывая масштаб проделанного автором труда:

Настоящая работа представляет собой первый в отечественной науке перевод с древнерусского на современный язык крупнейшего и одного из наиболее важных источников Северо-Восточной Руси начала XIII в. — Летописца Переяславля Суздальского, известного также как Летописец русских царей.

Правдой в этом высказывании есть только утверждение, что никому прежде не приходило в голову взяться за перевод указанного памятника.

Книга содержит перевод летописного текста, условно называемого *Летописец Переяславля Суздальского*, доведённого до 1214 г. и входящего в сборник, который датируется 60-ми гг. XV в. (РГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 279/658)¹.⁷² Своё название текст получил с лёгкой руки его первого издателя, хотя в рукописи значится иное название — *Летописец русских царей* (далее — *Летописец*). Оно выглядит совершенно естественным, так как в сборнике летопись продолжает текст *Летописца вскоре*, представляющего на трёх листах перечень византийских «царей». Единственная причина связывать текст *Летописца* с Переяславлем Суздальским состоит в том, что в его заключительных статьях местный князь Ярослав Всеволодович — наиболее заметная фигура. И ещё: под 1175 г. в молитвенном обращении к князю Андрею Боголюбскому упоминание о его брате Всеволоде, являющееся вставкой, заменено на упоминание всё того же князя Ярослава².⁷³ Нет никаких других формальных признаков, которые могли бы создание этого текста связать с инициативой князя Ярослава.

1 Клосс Б.М. Предисловие. ПСРЛ 41: VI.

2 Клосс Б.М. Предисловие, VIII

Напротив, А.С. Орлов привёл серьёзные доказательства того, что языковые особенности и интерес к католическим обрядам (ср. под 986 г. «опръсноки сиречь оплатки») первой части *Летописца* (включающей *Повесть временных лет (ПВЛ)* и две дополнительные статьи под 1137 и 1143 гг.) относят создание этого текста к юго-западным регионам Руси, причём достаточно позднего периода. Показательно, например, редакционное изменение в *Летописце* текста, заимствованного из *Ипатьевской летописи*, обусловленное нехарактерным для Переяславля Суздальского интересом к исконно подчинённому положению литовцев:

Ипат.	Летописец
ꙗ се суть инии языць . иже дань даюѣ Руси . Чюдѣ . Вєсь . Мєра . Муромѣ . Черемисѣ . Мордва . Пѣрмь . Печєра . Ымь . Литва . Зимѣгола (ПСРЛ 2: 8)	А се данници, дають Руси дань: чюдь, мєря, вєсь, мурома, черемиса, мордва, пермь, печєра, ямь, литва, <i>испрѣва исконнии данници и</i> <i>конокрѣмци, зимгола</i> (ПСРЛ 41: 5)

А.С. Орлов утверждает, что первая часть *Летописца* (до 1138 г.) сходна с *Ипатьевской летописью*. Более того, сопоставление известных редакций *ПВЛ* с текстом *Летописца* позволило исследователю задаться вопросом, не легла ли *Хлебниковская* рукопись в основу текста *Летописца* до статьи 1138 г.?³⁷⁴ Подобного состава кодекс (включающий, помимо *ПВЛ*, ещё и *Киевскую* конца XII в., а также *Галицко-Волынскую* конца XIII в. летописи) невозможно представить в Переяславле Суздальском, да ещё и в самом начале XII в.⁴⁷⁵ Как полагал А.С. Орлов, две части *Летописца* были «спаяны в Галицко-Волынской области» в XIII в.⁵⁷⁶

Установлено, что текст *Летописца* написан двумя почерками — часть до статьи 1138 г., основанная на *Хлебн.*, одним, а с 1138 г. — другим. Вторая часть *Летописца* сходна с *Радзивилловской летописью*, известный текст которой также происходит из Волыни^{6, 77}.

Согласно Б.М. Клоусу:

Летопись, переписанная во второй части, служила источником также и первой части, но здесь она соединена с Киевской летописью (сходной с Ипатьевской). Писец явно старался состыковать текст первой части со второй. Для этого он увеличил последнюю тетрадь первой из них до 12 листов (л. 497–508), начал постепенно сокращать свой источник, а дойдя до конца статьи 6581 (1073) г., вписал известие 6645 (1137) г. [...] Но до конца листа осталось все-таки несколько строк,

- Орлов А.С. О галицко-волыньском летописании. *ТОДРЛ*. Т. 5. Москва, Ленинград, 1947, 30 (прим 2).
- О судьбе *Ипатьевской* летописи до начала XV в. см.: Аристов В. *Ипатьевская летопись* и новгородская историография. *Ruthenica* 15 (2019), 101–140.
- Орлов А.С. О галицко-волыньском летописании, 31.
- См.: Oleksiy Tolochko, “Notes on the Radziwill Chronicle,” *Studi slavistici* X (2013), 29–42; Толочко А. «Не преступати предела братня» (об источниках миниатюр Радзивилловской летописи). *Ruthenica* 12 (2014), 67–81.

которые писец заполнил из того же источника известиями 6651 (1143) г. о буре и уже без обозначения дат о знаменьях в луне и солнце и рассуждениями о явлении ангелов (см. в Ипатьевской под 1102 и 1111 гг.)^{7, 78}

Таким образом, текст *Летописца* возник в процессе создания самого *Архивского сборника* в 1460-х гг. В таком случае, нам не ясно, почему этот текст должен быть «важным источником Северо-Восточной Руси начала XIII в.» и называться «Летописцем Переяславля Суздальского»?

Использованное автором книги название летописного текста отражает бытующее представление о повсеместном распространении традиции летописания в период Древней Руси. Оно опирается на достаточно живучие и популярные фикции, такие, как «библиотека Ярослава Мудрого», идея существования гипотетических «полихронов» и «сводов», неизвестным образом появившихся в разных местах вместе с набором необходимых для их составления текстов. Эти представления полностью овладели автором книги, который полагает, что

с распадом Руси и утверждением в отдельных ее частях княжеских столов, в наиболее крупных городах, превратившихся в региональные столицы, стали вестись собственные летописи, призванные прославить местных князей (с. 12).

Если и так, придворный летописец князя Ярослава вёл себя достаточно нервно:

Трудно сказать, когда при дворе Ярослава впервые стала вестись собственная летопись. Помещенное под 1176 г. в тексте ЛПС посвящение с пожеланием здоровья Ярославу как «нашему князю и господину» позволяет предполагать, что написание Летописца началось, по-видимому, сразу после вокняжения сына Всеволода в Переяславле-Залесском, т. е. не раньше 1212 г. (с. 12).

Летописец обрывается на изложении событий 1214 г. Автор связывает этот обрыв с сокрушительным поражением князя Ярослава Всеволодовича в Липецкой битве 21 апреля 1216 г. Но и после этого, до 1221 г., Ярослав продолжал сидеть в своём городе. Что же произошло, что летописец прервал свою работу, проделав огромный труд при компилировании многочисленных источников, якобы находившихся в его распоряжении?

А в его распоряжении, по мнению А.А. Инкова, была целая библиотека редких книг:

Для написания Летописца его автором привлекались различные источники. В основу памятника был положен владимирский свод начала XIII в., включавший в себя летописи предшествовавших владимирских князей Андрея Боголюбского (свод 1177 г.) и Всеволода Большое Гнездо (свод 1193 г.), а также последующие вставки до 1212 г. Для освещения общерусских событий была привлечена Киевская летопись, очевидно, попавшая во Владимиро-Суздальское княжество после

7 Клосс Б.М. Предисловие, VIII.

разгрома русскими князьями во главе с Мстиславом, сыном Андрея Боголюбского Киева в 1169 г. и впоследствии дополненная известиями об южнорусских делах из летописания Переяславля-Южного, на протяжении большей части XII в. находившегося в зоне влияния владими́ро-суздальских князей. В качестве источника по древнейшей истории Руси автором была взята Повесть временных лет, пересказ которой предшествует в своде изложению собственно самого Летописца Переяславля-Суздальского. В качестве дополнительного материала автором свода использовалась библейская (преимущественно ветхозаветная) и переводная византийская литература. Значительный массив сведений, вошедших в летопись, составили также устные предания и рассказы очевидцев событий, происходивших главным образом в начале XIII в. (с. 12–13).

Автор, как и ожидалось, не раскрыл нам загадку появления в Переяславле Суздальском текстов владимирского свода начала XIII в., *Киевской летописи* до 1169 г. с «переяславльскими дополнениями», *Повести временных лет*, образцов переводной византийской литературы. Хотя это было бы важно, так как А.А. Инков отдаёт себе отчёт в том, что «после столичных Новгорода, Рязани и Переяславля-Южного это был совершенно заштатный город, едва насчитывавший несколько тысяч жителей» (с. 8). Интриги добавляет уверенность А.А. Инкова в том, что «при составлении своего труда его автор обращался не к тексту Нестора, а непосредственно к Начальному своду 1093 г.» (с. 14). То есть в заштатном Переяславле Суздальском каким-то образом оказался редчайший текст «Начального свода 1093 г.». Ссылка на кандидатскую диссертацию Н.И. Милютенко⁸⁷⁹ не объясняет этого удивительного случая. Особую тревогу вызывает также повторение автором тезиса Н.И. Милютенко о значительном массиве сведений *Летописца*, якобы основанных на устных преданиях и рассказах очевидцев (с. 22), которыми традиционно объясняют незнание источника.

А.А. Инков не вносит ясность в историю возникновения текста *Летописца*. Но понятно, что это — второстепенный текст, используемый в качестве вспомогательного при реконструкции истории древнерусского летописания. Необходимость в его переводе не очевидна. Однако автор книги не ограничивается переводом, но задался масштабным комментированием, равным по объёму самому тексту (120 стр.), хотя, не исследовав последнего, вряд ли можно его качественно перевести, а тем более прокомментировать. Эту очевидную аксиому мы попробуем продемонстрировать на одном примере из книги А.А. Инкова.

Автор полагает, что

первую или древнейшую его часть составляет обработка Повести временных лет Сильвестровской редакции, к которой присоединены два отрывка за 1137 и 1143 гг. из Киевской летописи, сохранившиеся в составе Ипатьевского свода. Помещенная

8 Милютенко Н.И. *Летописец Переяславля-Суздальского в летописании Северо-Восточной Руси начала XIII в.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1992, 8–10.

в состав Летописца Повесть рассказывает о событиях с древнейших времен до 1110 г., но не имеет приписки Сильвестра. Вторую часть источника составляет собственно Летописец Переяславля-Суздальского, охватывавший период древнерусской истории с 1138 по 1214 гг. (с. 13).

Но на следующей странице А.А. Инков утверждает, что в распоряжении летописца был «Начальный свод 1093 г.». Не совсем ясно — это в дополнение к тексту *ПВЛ* или *ПВЛ* не было? Хотелось бы также узнать, например, почему в тексте *ПВЛ* или «Начального свода», если угодно, в передаче автора *Летописца* печенеги и половцы последовательно называются «татарами»? Это точно не могло произойти ранее 1224 г. или даже 1240-х гг. Более того, такая атрибуция представляется вторичной даже по сравнению с более поздним размышлением составителя *Новгородской первой летописи* по *Синодальному* списку о происхождении «татар».

Поэтому ограничимся исследованием двух пограничных статей в тексте *Летописца*, возникших в самую последнюю очередь. Первая из них помещена между статьями 1137 и 1138 гг. По поводу появления этой статьи автор книги обходится небольшим замечанием в прим. 514: «Описываемые под этим годом различные природные знамения взяты переписчиком летописи из статьи *ПВЛ* под 1110 г.». Суммируя представления А.А. Инкова о древнерусском летописании, мы должны понять, что переяславльскому летописцу была-таки известна *ПВЛ* во второй (Сильвестровской) редакции, представленной в *Лаврентьевском* списке (*Лавр*). Но в статье под этим годом сообщается о «знаменъ в Печерьстѣ^м монастырѣ . въ . аг . днѣ . февра^г . мѣца»⁹,⁸⁰не имеющем ничего общего с текстом *Летописца* 1143 г. Б.М. Клосс в предисловии к изданию текста удовлетворительно пояснил происхождение статьи 1143 г. использованием составителем части текста, начинавшегося со статьи 1138 г., соединённого с «южным текстом», близким *Inam*. (ср. ст. 1102 и 1111 гг.)¹⁰.⁸¹Мы полагаем, что это был текст *Inam*.

Датировку события 1143 г. определила дата, стоящая в *Inam*., под которой описываются последствия бури:

в то же лѣто бы^г боура велика. акаже не была николи же . вколо Котелничѣ (Х. П. котелници). и розноси хоромы. и товаръ и клѣти . и жито из гоумень . и спросто (Х. П. и спроста) рещи ако рать взала . и не встася оу (Х. П. въ) клѣтехъ ничтоже. и нѣчии (Х. П. нѣчии) налѣзоша бронѣ оу болотѣ . занесены боурею¹¹.⁸²

Нам неизвестен другой текст, кроме протографа *Inam*., содержащий это известие *Киевской летописи*, а также статьи 1102 и 1111 гг. *ПВЛ*, материал которых тоже был включён в статью 1143 г. Предположение о том, что ком-

9 ПСРЛ 1: 284.

10 Клосс Б.М. Предисловие, VIII.

11 ПСРЛ 2: 314.

пилирование производилось на основании двух рукописей, ничем не подтверждается и усложняет картину.

Л.Е. Махновец так перевёл этот фрагмент *Ипат.*:

У той же рік була [така] буря велика, якої ото не було ніколи, навколо [города] Котельниці, і рознесла доми, і майно, і комори, і хліб із стодол. А спроста сказати — наче рать узяла, і не зосталося в коморах анічого. А деякі знаходили лати в болоті, занесені бурєю^{12, 83}.

В статье *Летописца* 1143 г. сообщается о событии несколько иначе:

буря велика бы^{ст}, аки силнаа ра^т, о^тноси храмы на иную селину, и товаръ ис клетей, и жито из гумень, и нальзоша броне свои по болото^м разношени^{13, 84}.

Перевод А.А. Инкова полностью подчинён путанице, возникшей под пером автора *Летописца*:

Была великая буря, подобно сильной рати, сносило храмы на иные постройки, выбрасывало товар из клетей, и жито из гумен, и [людей], одетых в свои доспехи, разносило в разные стороны по болотам (с. 90).

Представление о носящихся в воздухе многочисленных церквях незначительного городка Котельницы представляется очевидным преувеличением: «храмы/хоромы» — это, конечно же, дома. Гапакс «селина» И.И. Срезневский толковал как «место», снабдив знаком вопроса^{14, 85}. А.А. Инков полагает, что это — «постройки», не сопроводив проблемное место каким-либо комментарием. Далее составитель текста *Летописца* решил, что бурей из «клетей» каким-то чудным образом был вынесен «товар», и автор перевода последовал за ним. А.А. Инков удовлетворился, очевидно, поздним пониманием значения термина «товар» как «предметов торговли или обмена»^{15, 86}. Но под 1141 г. в самом *Летописце* стоит известие, аналогичное *Лавр.*, в котором «товар» обозначает имущество, как его и перевёл Л.Е. Махновец. В *Летописце* сказано, что буря «аки силнаа рать, относи храмы». Очевидно, что возникло неудачно сравнение, основанное на первоначальном тексте, в котором опустошение города бурей сопоставляется с грабежом после штурма: «ако рать взала. и не встаса оу (X. — въ) клѣтехъ ничтоже». То есть, в *Ипат.* 1143 мысль выражена ясно и правильно грамматически, а в *Летописце* — путано. Но А.А. Инков внёс дополнительную сумятицу в понимание текста, когда обнаружил в нём жуткую картину: «и [людей], одетых в свои доспехи, разносило в разные стороны по болотам». Никаких оснований для такого перевода текст не даёт. Следовало бы: «И находили свои доспехи, занесённые в болота».

12 Махновец Л.Е. *Літопис Руський*. К., 1989, 195.

13 ПСРЛ 41: 66.

14 Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 3. СПб., 1912, 326.

15 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 29. М., 2011, 378–379.

Предшествующая статья *Летописца*, 1137 г., полностью повторяет статью под 1137 г. *Ипат*.

Летописецу:

Поставле^н бы^т скопецъ Мануи^н, еп^ть Смоленску, прише^н бо бѣ гре^к певецъ гораздъ са^м тре^ти къ князю Мстисла^в. Пре^ж бо то^г не быва^н еп^ть въ Смо^лнску¹⁶.⁸⁷

Ипат..:

поставленъ бы скопечъ Мануило еп^томъ Смоленескоу. пѣвечъ гораздыи . иже бѣ пришелъ изъ Грекъ. самъ третии. къ бл^глюбивому кн^зю Мьстиславоу. предъ симъ бо бѣ не былъ еп^ть Смоленскѣ¹⁷.⁸⁸

В *Лавр*. аналогичное известие под 1137 г. выглядит иначе:

Поставиша еп^та Мануила скопца Смолиньску. пото^м другого скопца Володимерю . еп^та Ѳевдора¹⁸.⁸⁹

Ясно, что составитель *Летописца* следует тексту *Ипат*. Невозможно представить причины и обстоятельства появления текста *Киевского свода* в Переяславле Суздальском. Наличие там *Ипат*., составленного в конце XIII в., не только маловероятно, но и вынуждало бы переносить хронологические рамки *Летописца*. Учитывая иные обстоятельства, изложенные А.С. Орловым и Б.М. Клоссом¹⁹,⁹⁰ естественнее отнести составление *Летописца* на Волынь, где ко второй половине XIII в. были собраны все тексты, использованные при его составлении.

Как видно, А.А. Инков довольно легкомысленно относится к проблеме происхождения текста *Летописца*, который взялся переводить. Полагая, что он имеет дело с памятником начала XIII в., автор не может не совершать ошибок в переводе.

Выше мы отметили глоссу в перечне народов, издревле дающих дань Руси: «литва, испрѣва исконнии данници и конокрѣмци». Историк домонгольской эпохи едва ли найдёт в своих источниках термин «конокормци». Между тем, это хорошо известное из актов *Литовской метрики* обозначение социальной группы XV в. — неполноправного населения, обязанного определённой службой великому князю или другим землевладельцам.

Вот несколько примеров:

1496 г., грамота короля Александра боярам Станку и Талку Гиретовичам:

А тотъ Сурконътъ конокормца был. И того Сурконъта вызволил с тое слѣжбы великии князь Витовтъ, и на то емѣ и листь свои дал. И указали перед нами листь

16 ПСРЛ 41: 65.

17 ПСРЛ 2: 300.

18 ПСРЛ 1: 304–305.

19 Орлов А.С. О галицко-волыньском летописании, 30–32; Клосс Б.М. Предисловие, VI–VIII.

великого кн(а)за Витовътовъ, што ж ихъ предка, того Сурконта, с тое службы конокормьское вызволил^{20, 91}.

1504 г., привилей короля Александра Василию Глинскому:

дали [...] двор нашъ в Слонимском повете, на имя Лососиную, со всеми того двора слугами путными и людми тяглыми, и слободичы, што на воли сеждать, и данники, и куничники, и з ленти, и конокормцы, и со всеми того двора и тых людем землями пашными и бортными^{21, 92}.

1510, подтвердительная грамота короля Сигизмунда господарскому писарю Федьку Михайловичу Святоше:

Ивашко поступился ему людей конокормьцовъ въ Вошьменском повете Кеждуньцовъ, што мы ему дали и привилемъ нашимъ на вечность потверили^{22, 93}.

Словари знают этот термин, хотя не всегда точно толкуют его^{23, 94}. Но А.А. Инков в словари не заглядывал, снабдив слово следующим примечанием:

Так летописец называет племена, которые были обязаны помимо выплаты обычной дани поставлять корм для лошадей в конницу русских князей (с. 168).

Но не всё благополучно у А.А. Инкова и в домонгольских временах. Так, приведённое выше сообщение о поставлении смоленского епископа Мануила переведено следующим образом:

В год 6645 (1137). Поставлен был скопец Мануил епископом в Смоленске: пришел ведь из Греции, умея искусно петь, с тремя спутниками к князю Мстиславу. Прежде же до этого не было епископа в Смоленске (с. 89).

А.А. Инков не знаком с выражением «самъ третии» и поэтому полагает, что из Константинополя прибыл епископ в сопровождении «трех спутников»^{24, 95}. Кроме того, текст не утверждает, что Мануил «пришел из Греции», а только обозначает его этническое происхождение («прише^л бо бѣ гре^к певецъ гораздъ»). В переводе контаминированы тексты *Летописца* и *Ипат*.

20 *Акты, относящиеся к истории Западной России*. Т. 1(6). *Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики*. М., СПб., 2012, 135.

21 *Литовская Метрика*. Книга 5 (1427–1506). *Книга записей 5* (Vilnius, 2012), 374.

22 *Русская историческая библиотека*. Т. 20: *Литовская Метрика*, т. 1. СПб., 1903, 643.

23 Словарь И.И. Срезневского приводит единственный пример из *Летописца* и без толкования (Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 1. СПб., 1893, 1270). В словаре «русского» языка XI–XVII вв. также находим этот пример со следующим пояснением: «Конокормецъ — обязанный предоставлять пастбища для лошадей» (*Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 7. М., 1980, 279). Точнее словарь староукраинского языка: «Конокормци — феодально залежні селяни, що доглядали королівські кінні стада» (*Словник староукраїнської мови*. Т. 1. К., 1977, 494).

24 Ср. с переводом Л.Е. Махновца соответствующего фрагмента *Ипат*.:

У рік 6645 [1137]. Єпископом у Смоленськ був поставлений скопец Мануило, гарний співак, що прийшов був із Греків утрюх до благолюбивого князя Мстислава [Володимировича]; перед цим бо не було єпископа в Смоленську (Махновець Л. *Літопис Руський*, 189).

(«иже бѣ пришесть изъ Грекъ»). А.А. Инков, вероятно, плохо владеет техникой перевода: «пре^ж бо то^г» передано тавтологичным «прежде же до этого».

Летописец русских царей крайне интересен (и ещё не оценён) как памятник историографии Великого княжества Литовского. Созданный на Волыни, он (каково бы не было происхождение его составных частей) оказывается самой значительной оригинальной летописной компиляцией в скупом на историческую рефлексию XV в. Для домонгольского летописания *Летописец* имеет маргинальное значение. Неквалифицированно переведённый и неуместно прокомментированный А.А. Инковым, он теряет даже его.

Вадим Ставиский